

СОЦИАЛЬНЫЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 355.1:271.22(470+571)

ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ РУССКОЙ АРМИИ В 1914–1917 ГОДАХ¹

Н. П. Карцева

Пермский государственный научно-исследовательский университет, 614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15
kroka112@mail.ru

Рассматриваются вопросы организации службы неправославного духовенства в российской армии в годы Первой мировой войны, исследуются его функции в воинских частях. Показаны государственные структуры, на которые возлагались обязанности выполнения духовного окормления солдат и офицеров, их численный состав и нормативная документация, регламентирующая деятельность неправославного духовенства в российской армии. Выявляются особенности организации деятельности мусульманского, католического и лютеранского духовенства, а также ее трудности и недостатки. Обращается внимание на высокую степень лояльности военного духовенства различных вероисповеданий центральному руководству страны и самоотверженное выполнение им своего пастырского долга на полях сражений, о чем свидетельствуют многочисленные боевые и духовные награды представителей всех категорий армейского духовенства. В то же время указывается на определенное недоверие со стороны властей к священникам-лютеранам, в первую очередь немецкой национальности.

Ключевые слова: Первая мировая война, военное духовенство, иноверческое духовенство, национальные воинские части, религиозные конфессии, армейская служба.

Первая мировая война стала тем историческим и во многом трагическим перекрёстком, на котором человечество поменяло траекторию своего развития. Уроки войны – это уроки нашего отношения к миру.

В настоящее время интерес к истории Первой мировой войны значительно возрос: пишутся статьи, издаются монографии. Однако по-прежнему недостаточно внимания уделяется социально-психологической составляющей истории войны. Причины поражения России в войне и в конечном счете гибели империи кроются во многом в моральном духе военнослужащих в армии и населения в тылу. Забота о моральном состоянии воюющих ложилась главным образом на плечи военного духовенства русской армии.

Россия – страна многонациональная, и воины её всегда являлись представителями не только разных национальностей, но и разных конфессий. В годы Первой мировой войны в рядах русской армии воевали представители многих национальностей, проживавших на территории России.

В условиях религиозного характера Российского государства власти должны были учитывать и удовлетворять духовные потребности национальных меньшинств. Штаты иноверческого духовенства в русской армии были введены на основании Высочайшего повеления от 26 июня 1877 г. Новое Положение о штатах иноверческого духовенства император Николай II утвердил 24 июня 1896 г.

Институт военного духовенства, отвечавший за духовно-нравственное воспитание военнослужащих, складывался постепенно. В начале XX в. в России оформилась определённая структура военной духовной службы. В штабах военных округов служили не только православные священники, но и муллы, раввины, капелланы, лютеранские и евангелические проповедники. Все они подчинялись Департаменту духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел и занимались организацией окормления своих единоверцев. До войны на каждый военный округ приходилось по одному мулле, ксёндзу и раввину.

В Российской империи было принято выделять подданных не столько по этнической принадлежности, сколько по конфессиональной. К 1914 г. около 15% генералов и офицеров русской армии и флота не принадлежали к православной вере. Среди нижних чинов православные состав-

ляли около 75%, католики – 9, мусульмане – 2, лютеране – 1,5, других вероисповеданий – 2,5. [Ивашко, 2012, с.2].

Однако в условиях продолжающейся секуляризации общества основное внимание государство уделяло укреплению позиций православия. В 1911 г. по представлению Синода протопресвитером военного и морского духовенства был назначен профессор богословия Георгий Шавельский – талантливый организатор, военный священник, участник русско-японской войны, награждённый орденами Святого Георгия и Святого Владимира. По его инициативе буквально накануне войны, с 1 по 11 июля 1914 г., прошёл I Всероссийский съезд военного и морского духовенства, на котором была разработана и принята памятка-инструкция военному священнику [Сенин, 1990, с.159,160].

В разгар Первой мировой войны, в 1915 г., штаб Верховного главнокомандования издал брошюру «Руководственные указания Духовенству действующей армии», в которой уточнялись его конкретные функции в период военных действий. В ней говорилось, что в боевых условиях священник был обязан ежедневно проповедовать на современные, затрагиваемые обстоятельствами времени темы, освещая с патриотической и религиозной точек зрения события общественной, государственной и военной жизни. При проведении бесед с личным составом воинских частей рекомендовалось учитывать степень грамотности солдат, предлагалось обращать внимание слушателей на обоснованность смысла и целей войны [РГВИА. Ф.2044. Л.34].

В обязанности военному священнику вменялся также сбор сведений о подвигах всех воинских чинов своей части. Кроме того, от священника требовалось и умение оказать первую медицинскую помощь. Всё это равным образом касалось и духовенства иных конфессий.

Перед духовными деятелями русской армии стояла также сложная задача – не допустить, чтобы религиозные различия переросли в противоречия. Во время войны сохранение межконфессионального мира было важным условием сильного морального духа армии. Полковые священники должны были предотвращать возникновение споров о вере в среде военнослужащих.

В циркуляре № 737 от 3 ноября 1914 г. протопресвитер Г.Шавельский, обращаясь к православному духовенству действующей армии, писал: «Усердно прошу духовенство действующей армии избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных исповеданий, зорко следить, чтобы в полковые и госпитальные библиотеки не попадали брошюры и листы с резкими выражениями по адресу католичества, протестантства и других вероисповеданий, так как подобная литература может оскорблять их религиозное чувство и ожесточать их против православной церкви, а в воинских частях сеять пагубную для дела вражду. Подвизающееся на бранном поле духовенство имеет возможность подтверждать величие и правоту Православной Церкви не словом обличения, а делом христианского самоотверженного служения как православным, так и инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество» [РГВИА. Ф.2044. Л.365]. Далее следовала подробная инструкция православным пастырям, касающаяся использования методов ведения душевспасительной работы среди инославных верующих. Протопресвитер предостерегал православных пасторов от применения таких приёмов в полемике, как насмешки, ругательства, издевательства, публичные споры. Не случайно неизвестно ни одного конфликта, возникшего в армии на религиозной почве.

Сохранившиеся документы позволяют судить о том, какое значение придавалось духовному состоянию воинов инославных вероисповеданий. Так, в донесении военного муллы при штабе 8-й армии Ашимова дежурному генералу штаба сообщалось, что «вследствие неимения в госпиталях штатных мулл погребение умерших нижних чинов магометанского вероисповедания производится не согласно требованию Шариата, что вызывает нравственное угнетение больных и раненых воинов-мусульман» [РГВИА. Ф.2134. Л.65]. Затем следовала просьба о назначении помощников муллы при госпиталях «для религиозного утешения больных и раненых». В полученном из штаба ответе предлагалось «в каждом пункте избрать помощников муллы из находящихся там нижних чинов» [РГВИА. Ф. 2134. Л. 66].

По существующему положению в случае, если в полку оказывалось более 500 человек иног вероисповедания, командир имел право пригласить для обслуживания их духовное лицо этого вероисповедания. А в рабочих отрядах, которые набирались в порядке так называемой реквизиции для работ на нужды обороны на национальных окраинах, мулла или лама назначался, если в них насчитывалось 2250 человек. В мае 1915 г. была введена должность муллы в Петроградском военном округе [Катков, 2008, с. 43, 62].

На должности в регулярных национальных полках представители мусульманского духовенства назначались командованием и входили в штат. В иррегулярных национальных формированиях они избирались самими верующими и после этого утверждались командованием. Постепенно права и обязанности военных мулл уточнялись и расширялись.

В круг обязанностей мусульманского духовенства в армии и на флоте входили приведение новобранцев к присяге, совершение молений и погребального обряда Джиназы. При этом подчёркивалось, что обязательным условием при назначении мулл являлось свободное владение ими русским языком [РГВИА. Ф.2134. Л.43]. В годы войны число военных мулл в армии увеличилось, но потребность в них была ещё велика, о чём свидетельствует, например, обширная переписка по этому поводу, сохранившаяся в архивных материалах штаба 8-й армии Юго-Западного фронта [РГВИА. Ф.2134. Л.267].

Особенно щепетильно относилось командование частей действующей армии к вопросу об учреждении должностей лютеранских проповедников, несмотря на рост численности солдат-лютеран, главным образом немцев по происхождению. Так, несмотря на то, что в составе 8-й армии числилось 1769 солдат-лютеран, было признано, что «учреждение должности пастора при армии не вызывает необходимости» [РГВИА. Ф.2134. Л.139].

Уместно отметить, что одним из важных, но недостаточно изученных эпизодов истории Первой мировой войны явилась кампания против некоторых национальных меньшинств, так называемых «граждан вражеских государств», с которыми воевала Россия. В эту категорию в первую очередь входили этнические немцы, которые объявлялись опасными внутренними врагами и подвергались массовым высылкам, интернированию, конфискации собственности. Между тем к началу войны в ряду полных генералов русской армии немцы составляли 28,5%, генерал-лейтенантов – почти 20, генерал-майоров – 19 [Ивашко, 2012, с. 2].

Однако подозрительность по отношению к немцам в русской армии была столь велика, что встречались случаи, когда лютеранских пасторов не допускали в районы боевых действий. Так, 23 октября 1916 г. из штаба Юго-Западного фронта было направлено по этому поводу разъяснительное письмо начальникам штабов 9-, 18-, 23-го армейских корпусов, 3-й Кавказской казачьей дивизии, Уссурийской конной дивизии. В нём, в частности, говорилось, что «отказ в допуске лютеранского пастора в районы боевых действий, видимо, объясняется его немецкой фамилией. Но Ян Янович Трейман не немец, а эстонец, вполне надёжен и просит допускать его не только в тыловые части, но и в действующую армию» [РГВИА. Ф.2134. Л.351].

Большое значение для повышения морального духа воинов инославных конфессий имели религиозные праздники, организация которых полностью ложилась на плечи духовенства.

Согласно Морскому уставу на русском флоте было предусмотрено, что в главные праздники мусульман и иудеев верующие, по возможности, освобождаются от службы и увольняются на берег. Это правило соблюдалось в мирное время, в период же военных действий всё зависело от участия в них корабля или воинской части. К уставам прилагались списки наиболее значимых религиозных праздников, не только христиан, мусульман и иудеев, но и буддистов и караимов.

Например, 24 сентября 1916 г. оренбургский муфтий просил разрешить празднование в мусульманских частях действующей армии торжественного мусульманского Курбан-байрама и проведение соответствующего ему богослужения. Командование дало разрешение, но с оговоркой: «в том случае, если не будет боёв» [РГВИА. Ф.2134. Л.340]. 14 декабря 1916 г. оренбургский муфтий обращается с просьбой «дать возможность воинским чинам магометанам 24 декабря в большой мусульманский праздник Мавлюди Наби совершить установленное богослужение и молебствие о здравии государя императора, августейшей семьи и даровании победы» [РГВИА. Ф.3588. Л. 744]. Все мусульманские части действующей армии получили поздравительную телеграмму от императора Николая II, в которой говорилось: «Благодарю... всех мусульман, собравшихся на торжественное богослужение по случаю праздника Рамазан Байрама, за молитвы и выражение верноподданнических чувств. Высоко ценю доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии. Николай» [РГВИА. Ф.3588. Л.634].

По мере возможностей отмечалось в армии и католическое Рождество, о чём свидетельствуют письма солдат-католиков. Об этом писал 25 декабря 1914 г. родным в литовскую деревню Боляны Ковенского уезда рядовой 14-го Кавказского стрелкового полка Доминик Азловский: «Для нас нет костёла и ксёндза, но мы получили сегодня по 12 конфет и 4 пирожка, а остальная еда как

обыкновенно» [ГАРФ, Ф. 102, Л.18]. Но уже в письме от 13 марта 1915 г. читаем: «Слава Богу, теперь пойдём на войну без страха. 9 марта приехал наш ксёндз и пробыл 4 дня. Все католики шли к исповеди и молились в нашем маленьком костёле» [ГАРФ, Ф. 102, Л.66].

Следует выделить деятельность в этот период Армянской апостольской церкви, которая ещё накануне войны стремилась во всём поддерживать российское правительство. Штатная должность армяно-грегорианского военного священника с причетником была установлена в Кавказском военном округе ещё в 1903 г. С началом войны на освободительную миссию России надеялись и армяне, живущие на территории Турции. Армянское духовенство в лице каталикоса всех армян Геворка V (Суреняна) и епископа Месропа (Тер-Мовсесяна) фактически инициировало создание армянских воинских формирований [Степаняну, 2008, с.121]. С их благословения создавались армянские добровольческие дружины в составе Кавказской армии. Армянское духовенство организовало сбор пожертвований на создание добровольческих дружин, всячески опекало их, было в курсе их военных действий и передвижений.

В первые же дни войны синод Армянской апостольской церкви обратился в Главный штаб армии и Главный штаб Кавказской армии с просьбой о принятии в войсковые части действующих армий армянских священников для удовлетворения духовных нужд призванных на военную службу армян григорианского вероисповедания. Просьба была удовлетворена, и многие армянские священники изъявили добровольное желание отправиться на фронт [Степаняну, 2008, с. 127]. Так, при канцелярии Главного начальника снабжений армии Юго-Западного фронта находился армяно-григорианский священник Мартирос Затикианц, который ездил по частям, где служили армяне. В своём рапорте от 26 мая 1916 г. он писал: «25 числа сего месяца в Высокоторжественный день рождения Ея Императорского Величества Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Фёдоровны... имел счастливейшую возможность в районе победного наступления доблестной 14-й дивизии, на ратном поле, сплошь усеянном трупами, перед доблестным войском 8-ого армейского корпуса коленапреклонённо отслужить первые благодарственные Молебны и вознести ко всевышнему Царю Царей горячие молитвы об окончательном сокрушении всех сил коварных врагов Матушки Руси» [РГВИА. Ф.2134, Л.252].

Высокую оценку деятельности священнослужителей в годы Первой мировой войны дал в 1915 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Романов: «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии» [Бондаренко, 2013, с.335].

Большинство неправославного духовенства к началу войны не имело наград. В годы Первой мировой войны сформировался сложный порядок награждения военных священнослужителей вообще и в особенности духовенства неправославных конфессий. Католические и протестантские священники, как и православные, награждались наперстными крестами, орденами, золотыми и серебряными часами, в том числе украшениями, перстнями и табакерками Кабинета Его Императорского Величества. Пасторы также жаловались.

Католические священники были введены во всех польских частях русской армии. Нередко, как и сами воины, они показывали примеры героизма, за что получали награды. Так, были награждены орденами Святой Анны и Святого Станислава III степени капеллан 1-й стрелковой бригады С. Сычевский и капеллан польской бригады В. Миколайтысь», а также другие католические и лютеранские священники [Подпрятков, 2010, с. 106].

Мусульманским священникам вручались медали «За усердие» и присуждались звания личного или потомственного Почётного гражданина. В годы войны были нередки случаи, когда мусульманское духовенство награждалось орденами Святого Станислава III степени и Святой Анны III степени [Катков, 2008, с.102].

Так, в 1916 г. орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом был награждён полковой мулла Ингушского конного полка Хаджи-Таубот Горбаков за то, что лично повёл в атаку на австрийскую пехоту всадников своего полка. В 1915 г. орден Святой Анны II степени получил буддист, бакша-лама калмык М. Барманжинов. Буддистское ламаистское духовенство окормляло чинов Донского казачьего войска из калмыков [Катков, 2008, с.46].

Военный мулла Черкесского конного полка М. Набоков за боевые заслуги в октябре 1916 г. был награждён орденом Святой Анны, а в январе 1917 г. – орденом Святого Станислава. Мулле Кабардинского полка А. Шогену за храбрость в бою у деревни Шупарки летом 1915 г. был вручен Георгиевский крест IV степени. Получали ордена и другие мусульманские священники: мулла

Крымского конного полка С.Э.Шааб-Челеби (Челебиев), военный мулла штаба Кавказской армии Н.Терегулов, штатный мулла войск Приамурского военного округа Г.Мурдинов и др. [РГИА. Ф.821. Л.67, 74].

Военные священники всех конфессий внесли огромный вклад в укрепление боевого духа армии и флота в годы Первой мировой войны, словом и делом поддерживая своих духовных чад. Богатый опыт военного духовенства русской армии учит необходимости воспитывать в обществе и армии религиозную терпимость, соблюдать принцип свободы вероисповеданий.

Тем не менее самоотверженная работа военного духовенства разных конфессий не могла спасти армию от разложения, к которому она пришла к 1917 г. Наблюдавшееся в российском обществе откровенное равнодушие к религии не позволило получить ожидаемых результатов от деятельности военного духовенства. Как отмечали впоследствии многие представители русской эмиграции, наряду с политическими и экономическими причинами бедствий России в 1917 г. следует назвать и кризис русской религиозности.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнические формирования российской армии в годы Первой мировой войны», проект №13-01-00232.

Список источников

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.11. Д.91.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2044. Оп.1. Д.6; Ф.2134. Оп.2. Д.267; Ф.3588. Оп. 1. Д.134.

Библиографический список

Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М., 2013.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1173.
Ивашко М.И. К истории веротерпимости в армии и на флоте // Военно-промышленный курьер. 2012. №42. URL:<http://vpk-news.ru/articles/12858/> (дата обращения: 24.02.2014).
Катков К.Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков: справочные материалы. М., 2008.
Подпрятков Н.В. Деятельность органов власти по организации службы неправославного духовенства в русской армии // Власть. 2010. № 9.
Сенин А. С. Армейское духовенство в России в Первой мировой войне // Вопр. истории. 1990. №10.
Степанянц С. М. Участие армянского духовенства в Первой мировой войне на стороне России // Известия РГПУ им. А. И.Герцена. СПб., 2008. №12 (81).

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2014

MILITARY CLERGY IN ETHNIC FORMATIONS OF THE RUSSIAN ARMY, 1914-1917

N. P. Kartseva

Perm State National Research University, Bukirev str. 15, 614990, Perm, Russia
kroka112@mail.ru

The paper analyzes the organization of military service of non-Orthodox clergy during the World War I, as well as related problems of providing religious needs of soldiers and officers. The research identifies government agencies associated with spiritual care for servicemen, their staffing and normative documentation regulating the activities of non-Orthodox clergy in the Russian army. The article traces basic functions of the clergy in military units, such as the organization of services during religious holidays, charity and spiritual assistance to wounded and sick in hospitals, and the departure of funeral ceremonies. The author states a clear aspiration of both the authorities and the clergy to avoid religious disputes and clashes, as well as to refuse conducting missionary activity in the army. The activities of the Muslim, Catholic and Lutheran clergy, their particular qualities, and the difficulties and shortcomings of the process are described. There was a high degree of loyalty of the military clergymen to the Central government. Numerous military and spiritual rewards of the representatives of military clergy are the evidence of selfless exercises of

their pastoral debt on battlefields. At the same time, both civilian and military authorities exhibited distrust to Lutheran priests, and first of all to Germans by nationality.

Key words: World War I, military clergy, non-Orthodox clergy, military ethnic units, religious denominations, military service.

References

Bondarenko V.V. Geroi Pervoy mirovoy. M., 2013.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 102. Op. 265. D. 1173.

Ivashko M.I. K istorii veroterpimosti v armii i na flote // Voенно-promyshlennyy kur'er. 2012. №42. URL:<http://vpk-news.ru/articles/12858/> (data obrashcheniya: 24.02.2014).

Kapkov K.G. Pamyatnaya kniga rossiyskogo voennogo i morskogo dukhovenstva XIX – nachala XX vekov: spravochnye materialy. M., 2008.

Podpryatov N.V. Deyatel'nost' organov vlasti po organizatsii sluzhby nepravoslavnogo dukhovenstva v russkoy armii // Vlast'. 2010. № 9.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F.821. Op.11. D.91.

Rossiyskiy gosudarstvennyy voенно-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). F. 2044. Op.1. D.6.

RGVIA. F.2134. Op.2. D.267.

RGVIA. F.3588. Op. 1. D.134.

Senin A. S. Armeyskoe dukhovenstvo v Rossii v Pervoy mirovoy voyne // Vopr. istorii. 1990. №10.

Stepanyants S. M. Uchastie armyanskogo dukhovenstva v Pervoy mirovoy voyne na storone Rossii // Izvestiya RGPU im. A. I.Gertsena. SPb., 2008. №12 (81).